

Вы не решаете, становиться матерью или нет.
Вы лишь можете ступить на свой страх и риск
на неизведанную территорию материнства.

*Жаклин Роуз. «Матери: эссе
о любви и жестокости»*

2004 ГОД

ЛОНДОНСКИЕ ПОЛЯ*

Сегодня суббота, базарный день. Поздняя весна или раннее лето. Точнее сказать, на дворе середина мая; время, когда в заросшем саду перед домом уже расцвел шиповник. Еще слишком рано для выходных, но Ханна и Кейт уже встали. Они почти не разговаривают друг с другом, по очереди готовя тосты и чай, но в их движениях есть необъяснимая слаженность, она особенно чувствуется этим утром на кухне, когда солнце бросает свои косые лучи, освещая полки с беспорядочно расставленными кастрюлями, книги рецептов и плохо покрашенные стены. Когда девушки переехали сюда два года назад, они поклялись избавиться от этого ужасного лососевого цвета на кухне, но руки так и не дошли. Теперь им нравится и то, что есть. Как и все в этом ветхом доме, где царят тепло и уют.

Лисса спала наверху. По выходным она редко вставала раньше полудня, так как работала в местном пабе и после смены часто ходила на вечеринки, которые устраивались

* Лондонские поля — большой парк в городской черте, который существует еще с 1540 года. — Здесь и далее примечания переводчика.

в одной из квартир в Далстоне по Кингсленд-роуд или еще дальше, в художественных студиях Хакни Уика.

Ханна и Кейт покончили с тостами и, решив не будить Лиссу, взяли выцветшие холщовые сумки с полки за дверь и вышли навстречу ярким лучам наступившего утра. Девушки проделали привычный путь, поворачивая то налево, то направо, чтобы в конечном итоге оказаться на Бродвейском рынке, где только что открылись торговые палатки. Это было их излюбленное время, когда толпа еще не загроудила улицу. Девушки купили у булочника в начале дороги миндальные круассаны. Купили крепкий, созревший чеддер и козий сыр, покрытый золой. Свежие помидоры и хлеб. У торгующих с колес турок они из большой кучи периодически выудили газету. Потом на всякий случай взяли пару бутылок вина. Риоха, всегда риоха. Девушки не знали ничего о вине, но знали, что им нравится риоха. Они неторопливо шли вдоль улицы от одной палатки к другой, разглядывая антикварные вещицы и подержанную одежду. Ближе к девяти утра, как это часто бывает на лондонских рынках, у пабов стали собираться люди, чтобы взять по первой пинте пива.

Вернувшись домой, подруги разложили еду на кухонном столе, сварили почти полный кофейник кофе, включили музыку, а затем распахнули окно, которое выходило в парк, на лужайке уже собирался народ. Время от времени кто-нибудь из них поднимал голову и смотрел в сторону дома. Подруги догадывались, о чем они думали. «Как можно было так хорошо устроиться? Как вообще у них получилось поселиться в трехэтажном викторианском таунхаусе на краю лучшего парка в Лондоне? Не иначе как повезло».

Просто знакомый одной из подруг Лиссы предложил ей комнату, а потом, уже в этом году, в доме освободились еще две, и теперь девушки живут здесь троим. Формально дом принадлежал им, хотя у них и не было подтверждающих это документов. При этом если агент по недвижимости где-то и был, то проживал он далеко от их Стамфорд Хилла. Девушки подозревали, что он и сам не знал, что происходит с этим районом, поскольку их арендная плата не менялась в течение последних трех лет. Они договорились ни о чем друг друга не просить, не жаловаться на облупившийся линолеум и грязные ковры, ведь все эти мелочи не имеют значения, когда так нравится сам дом.

Где-то около одиннадцати утра проснулась и спустилась вниз Лисса. Она выпила стакан воды, после чего перешла к кофе и круассанам. Лисса вышла на крыльцо, взяв кофе и сигарету, чтобы насладиться утренним солнцем, которое только начинало согревать нижнюю каменную ступеньку.

Когда с кофе и сигаретой было покончено, утро плавно перетекло в полдень, и все трое вынесли тарелки, еду и одежду в парк, где устроились в пятнистой тени своего любимого дерева. Обед на природе проходил нарочито медленно. Ханна и Кейт по очереди читали газету, а Лисса, прикрыв лицо ее разворотом, задремала. Чуть позже они открыли вино, которое очень хорошо пошло и в результате довольно быстро закончилось. День меж тем уже катился к вечеру, и свет солнца становился приглушеннее. Болтовня в парке все нарастала и раздавалась отовсюду.

Примерно так протекала их жизнь на Лондонских полях в 2004 году. Девушки много работали, ходили в те-

атр, в картинные галереи и на концерты малоизвестных групп. Ели вьетнамскую еду в ресторанах на Мар-стрит и на Кингсленд-роуд. По четвергам они посещали вернисажи на Вайнер-стрит и все галереи подряд, а еще пили бесплатное пиво и вино. Они даже следовали советам экологов и не использовали пластиковые пакеты, когда ходили в магазин на углу, хотя иногда и забывали об этом. Много ездили на велосипедах, редко надевая шлемы. Смотрели фильмы в кинотеатре «Рио» в Далстоне, а потом ходили в турецкие рестораны, ели пиде, пили турецкое пиво и закусывали аппетитными солеными огурцами, от которых текли слюнки. Ходили они и на цветочный рынок на Коламбия-роуд, где по воскресеньям рано поутру покупали цветы (иногда, если Лисса рано возвращалась с вечеринки, она покупала дешевые букеты для всех: охапки гладиолусов и ирисов, а случалось, что ей отдавали их бесплатно за необычайную красоту).

Они ходили с похмелья на городскую ферму на Хакни-роуд, ели на завтрак какой-то жареный фастфуд среди больших семейных компаний с орущими детьми и клялись никогда больше не ходить туда воскресным утром, пока у них не появятся собственные дети.

Иногда по выходным девушки прогуливались по Риджентс-каналу до парка Виктории, а потом по старому Гринуэю до острова Трех мельниц, наслаждаясь удивительными видами Лондона, которые открывались с канала. Они фотографировали граффити в подземных переходах, останавливались в старых забегаловках для рабочих и съедали огромные завтраки. Иногда ходили в другую сторону, вниз по Брик-лейн, чтобы купить рогалики в круглосуточ-

ных пекарнях, и дальше, продираясь через вечное столпотворение туристов, привлеченных рассказом о битве на Кейбл-стрит*. Много лет назад там социалисты схватились с «черными рубашками» Освальда Мосли**, а в 1980-х годах память об этом событии увековечили на стенах домов. Девушки пробовали угря и пюре с ликером в магазинчике в самом конце Кейбл-стрит, где дорога вымощена оригинальными викторианскими плитками. Иногда они проделывали все то же и на обратной дороге, но угря уже не ели.

Девушки интересовались историей Ист-Энда. В книжном магазине в конце улицы они покупали книги по психогеографии. Пытались читать Яна Синклера и, потерпев неудачу на первой главе, переходили на другие, более доступные книги о последовательных волнах иммиграции, оставивших свой след в истории города: гугеноты, евреи, бенгальцы. Девушки осознавали, что сами являются частью одной из волн иммиграции. И, если по-честному, эту волну иммиграции, частью которой были сами, они хотели бы остановить. Их откровенно пугала конкуренция со стороны людей, похожих на них самих.

Девушек волновало многое. Их беспокоило изменение климата, когда они читали об увеличивающейся скорости таяния вечной мерзлоты. Они тревожились за детей, ко-

* Битва на Кейбл-стрит — стычка 1936 года между английскими чернорубашечниками из Британского союза фашистов и охранявшими их марш полицейскими с одной стороны и антифашистскими демонстрантами с другой.

** Сэр Освальд Эрнальд Мосли — британский политик, баронет, основатель Британского союза фашистов.

торые жили в многоэтажках прямо за гастрономом, где девушки покупали кофе и табуле. Они размышляли о шансах этих детей устроиться в жизни и о своих собственных возможностях в этом мире. Они тревожились о преступлениях с применением холодного и огнестрельного оружия, а потом читали, что они случаются только в разборках между бандами, и чувствовали облегчение, а после вновь испытывали беспокойство от того, что чувствовали облегчение. Они думали о парне, сидевшем и просившем милостыню у дверей винного магазина. Они рассуждали о подъеме джентрификации*, который наблюдался в лондонском Сити и в застройках по границам их парка. Иногда они чувствовали, что должны беспокоиться и о чем-то другом, но, поскольку тогда они были просто счастливы, то старались недолго пребывать в этих своих размышлениях.

Их не волновали ни ядерная война, ни процентные ставки, ни рождаемость, ни всеобщее благосостояние, ни стареющие родители, ни студенческие долги, ни поиски мужчин.

Они входили в седьмой год тринадцатилетнего господства нового лейборизма — время протестов и маршей. На улицах Лондона раньше часто проходили марши против законопроекта об уголовном правосудии или против войны в Ираке. Но все это было в прошлом, и уже пару лет люди не выходили на протестные митинги.

Им было по двадцать девять лет, и ни у кого из них не было детей. Для любого другого поколения в истории

* Джентрификация — реконструкция пришедших в упадок городских кварталов путем благоустройства и последующего привлечения более состоятельных жителей.

ОЖИДАНИЕ

человечества этот факт был бы из ряда вон выходящим, но в современном мире на него не обращали внимания.

Они знали, что этот парк «Лондонские поля», эта трава, на которой они обычно лежат, всегда были общей землей, местом, где люди пасли своих коров и овец, и этот факт радовал их. Они верили, что это каким-то образом объясняет притягательность маленького пятнистого клочка зелени, который они любят. Они чувствовали, что владеют этой землей, потому что она принадлежит всем.

Они хотели бы остановить время прямо здесь и сейчас — в этом парке, пока все так великолепно при свете дня. Они хотели бы, чтобы цены на жилье оставались доступными и в дальнейшем, хотели бы курить сигареты и пить вино, как будто они все еще молоды, и все остальное не имело бы никакого значения. Они хотели бы остаться здесь, в красоте этого теплого майского дня. Они хотели бы и дальше жить в лучшем доме, гулять в лучшем парке, в лучшей части лучшего города на планете. Большая часть их жизни была впереди. Они совершали незначительные ошибки. И хотя они были не так уж и молоды, старыми они себя не чувствовали. У них еще было время оглянуться назад и время взглянуть вперед. Жизнь по-прежнему была открыта для них и полна возможностей. Еще оставались распахнутыми двери, ведущие к неизведанным путям.

У них еще было время стать теми, кем они станут.

ХАННА

Ханна сидела на краю кровати, изучая одинаковые ампулы. Она провела ногтем по тонкой обертке, достала одну и теперь держала ее на ладони. Крохотный стеклянный пузырек почти ничего не весил. Потом быстрый взмах иглы, точное движение кончика пальца — все, что нужно, чтобы выпустить пузырьки воздуха. Она знала, что делает, поскольку делала это раньше. Стоп, все, достаточно. Возможно, ей следует на будущее поставить на шприце метку.

Она еще не забыла, как два года назад в первый раз Нэйтан склонился над ней, целуя ее животик. Так было каждый раз, когда она делала себе уколы.

Но сегодня утром он поцеловал ее по-особенному: «Обещай мне, Ханна, что это был последний раз».

Разумеется, она пообещала, потому что знала, что больше никаких операций не понадобится.

Она задрала рубашку и зашипнула складку кожи. Инъекция — это дело одной секунды. Закончив, она встала, поправила одежду и отправилась на работу.

Когда Ханна выходила в «Рио», Лиссы дома не было, так что она в одиночестве выпила чаю в мини-

баре и вышла на улицу. Стоял сентябрь, но погода держалась еще теплая, и небольшая площадь рядом с кинотеатром была заполнена людьми. Ханна заметила Лиссу намного раньше, чем та ее. Ее высокая фигура, как маяк, возвышалась над толпой на улице, ведущей к железнодорожной станции. На Лиссе было пальто, которого Ханна никогда раньше не видела, узкое в плечах и расклешенное книзу. Длинные волосы Лиссы, как всегда распущенные, колыхались в такт ее шагам. Она подошла.

— Мне определенно нравится, — сказала Ханна, зажимая грубый льняной отворот пиджака большим и указательным пальцами.

— Это? — проговорила Лисса, глядя сверху вниз и как будто сама удивляясь, что надела его. — Я взяла его за копейки много лет назад. Помнишь благотворительный магазин на Мар-стрит?

— Вино будешь? — спросила Лисса.

— Уже не могу, — поморщила нос Ханна.

— Опять пыталась? — спросила Лисса, касаясь ее руки.

— Этим утром.

— Как ты себя чувствуешь?

— Отлично. Чувствую себя прекрасно.

— Не сомневаюсь ни секунды, — сказала Лисса, решительно сжимая ее руку.

Ханна проследила, как Лисса пробиралась к бару. Она видела, как зарделся обслуживающий ее молодой человек. Новый взрыв смеха, и Лисса возвратилась на улицу, неся красное вино в пластиковом стаканчике.